

Книги Константина Калбазова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ
РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

РЫЦАРЬ.
СТЕПЬ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 749

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Рыцарь. Степь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1086-6

Параллельный мир или другая планета? Этим вопросом Андрей Новак, наш современник, попавший в мир Средневековья, где обосновались потомки выходцев из Иерусалима, задавался не раз и не два, но ответа так и не нашел. А зачем это ему по большому счету? Он сумел выжить, стать весьма состоятельным членом общества, обзавестись семьей. Живи и радуйся. Однако судьба ведет его по жизни, руководствуясь своими, только ей известными целями. Обосноваться-то в этом мире у пенсионера МВД получилось, а вот со спокойным существованием не задалось. Преследование инквизицией, кровавые схватки с кочевниками и постоянная борьба за жизнь. Вот, пожалуй, и все, что уготовано ему свыше.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012
ISBN 978-5-9922-1086-6

Глава 1

НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Зима. В это время года жизнь практически замира-ла. Крестьяне готовились к новому сезону сельхозра-бот, и потому времени на отдых у них было предоста-точно. Ремесленники также имели возможности для отдыха. Торговцы могли рассчитывать на прибыль то-лько в дни ярмарок, все остальное время торговля шла ни шатко ни валко. Из дальних маркграфств или дру-гих королевств товар купцы переправляли по водному пути, а реки в это время года здесь замерзали напрочь.

Андрея все еще удивляло то, что местные жители никак не задействовали самую крупную водную арте-рию, Яну. Французы, пользуясь небольшими реками и устраивая волоки на наиболее узких местах между ними, доставляли свой товар в Англию по реке Быст-рой. Германцы для этого использовали в основном реку Светлую, приток Одера, отделяющего Герман-ские княжества от степи, потом волоком и с помощью небольших речушек переправлялись в реку Темную, а оттуда уже двигались в английские земли. Практиче-ски вся торговля так или иначе была связана с Лондо-ном. Здесь находился папа, наместник Господа в Цар-стве Небесном, как без всякой иронии местные имен-овали земли, подвластные людям. Весьма скромная резиденция папы находилась рядом, но несколько в стороне от столицы англичан, потому основная масса

паломников находила для себя пристанище именно в Лондоне, так как вблизи от резиденции остановиться не было никакой возможности. Так что Лондон был практически торговой столицей этого мира.

Конечно, несмотря на все трудности с волоком, торговля по реке была гораздо прибыльнее и быстрее торговли сухим путем, ибо груженные повозки двигались едва ли не со скоростью пешехода, да и грузов на речные суда, несмотря на их неказистость, помещалось гораздо больше. Однако насколько можно было бы ее ускорить и упростить, если бы использовать Яну, не говоря уже о том, что суда можно было бы делать и побольше, так как отпала бы необходимость переправы их посуху. Все реки в этом регионе так или иначе впадали в Яну, а потому спуститься до нее, а затем подняться по другой реке было бы гораздо проще, да и быстрее, а значит, и расходы на путешествие значительно сокращались. Но огромная река никак не эксплуатировалась, так как на ее просторах стать добычей проклятых орков было гораздо вероятнее, чем получить какую-либо прибыль.

В селе Новак, как окрестили его сами жители, жизнь и не думала замирать. Да, руда не доставлялась, лед сковал реки и застопорил водяные колеса, казалось бы, поставив крест на производстве, но Андрей и не думал останавливаться. Сила воды была заменена силой быков, пущенных по кругу и заставляющих крутиться валы.

Металла было приготовлено предостаточно, поэтому волочильня продолжала свою работу, готовя многие километры проволоки, которую скупал приказчик Эндрю Роберт. Купец решил, что молодой человек вполне справится и с делами Андрея, и с лавкой самого Эндрю, расположенной в селе, — и в общем он не ошибся, работоспособности и предприимчивости парня можно было только позавидовать. Ввиду отсут-

ствия водного пути он хранил всю продукцию на складах, отправляя лишь малую часть по санному. А закупать у предприимчивых селян было что и кроме проволоки, которая, наряду с наконечниками, стала главной составляющей экспорта, обойдя даже арбалеты.

Производство инструмента не давало больших прибылей, так как инструмент — товар весьма специфический, из-за дороговизны металла нужда в нем возникала лишь у мастеров, во многих семьях обходились только одним топором и одним ножом — что уж говорить о том, чтобы иметь в хозяйстве ту же дрель. Точильные станки были несложны в изготовлении, и они уже всю производились другими кузнецами, так что этот товар отработал свое, поиметь большую прибыль с него было уже нельзя.

Так вот и вышло, что к основным товарам, производимым на экспорт, добавились посуда, игрушки (обычные матрешки), подсвечники и мебель, которые изготавливали в зимнее время жители села, используя токарные станки с ножным приводом. Мебель должна была раскупаться на ура дворянством, ее Эндрю планировал начать распространять с Лондона, так как не следовало наживать неприятностей — все самое лучшее должно было появляться сначала в столице, а лучше было начинать с короля, спокойнее так. Посуда же предназначалась для простолюдинов — дешевая и легкодоступная, она бы составила достойную конкуренцию керамике, но ее опять-таки должно было быть много, а значит, проще было доставлять ее именно водным путем.

Началось же все с того, что, помирившись с женой или, если точнее сказать, обретя ее, Андрей разработал токарный станок и сам начал изготавливать с его помощью мебель для любимой супруги. Сначала был стол с резными ножками, потом стулья, потом кровать, потом набор посуды из дерева, красиво распи-

санной и покрытой лаком, потом он изготовил несколько подсвечников. После того как стало известно, что супруга в положении, на радостях он смастерил несколько матрешек, вкладывающихся друг в друга.

Потом это все увидел Эндрю и впал в ступор. Предприимчивая натура купца не позволила ему не усмотреть во всем этом выгоды, так как изделия из металла — это, конечно, хорошо, но то, что можно было получить с изделий из дерева, было ничуть не хуже. В общем, очень скоро то, что Андрей сделал для души, было поставлено его деятельным другом на поток. Вернее, торговец, как всегда, наскипидарил Новака, а тому уже пришлось думать над тем, как поставить это дело на поток. Пока стояла зима, в устроенной мастерской работали жители села, а женская половина занималась росписью, но по весне Эндрю обязался организовать прибытие наемных сезонных рабочих.

— Да что ты так вцепился в эти плошки и мебель? Ну, получим мы первую прибыль, а потом все опять вернется на круги своя. Вот те же арбалеты — цена на них значительно упала после того, как их научились делать другие мастера.

— Это так. Но проволока-то продолжает пользоваться спросом, да и арбалеты твои прибыль приносят немалую, а все почему?

— Ну и почему?

— Да потому что во многих местах делают проволоку, и многие сумели повторить изготовление арбалетов, но никто не может делать этого в таких количествах, как ты. Кузнецам, получилось, и вовсе проще покупать проволоку у меня, чем терять время на ее изготовление самим. Арбалеты их, если пустить по той же цене, что и твои, — они не приносят прибыли, а потому у них они подороже будут, и опять наш товар спросом пользуется. Ну если его под рукой нет, то тогда покупают у местных умельцев, — назидательным тоном

говорил купец. — А эти твои вещи и вовсе никто не сможет сделать, так как никто не знает, как их делать, ну не знают они, как изготовить такой станок, а без него нечего и начинать.

— Ты думаешь?

— Я знаю. Конечно, посуду из дерева делали и раньше, но только она не имеет ничего общего с твоей, мы очень хорошо на этом заработаем.

Так вот и вышло, что пробные партии, будучи доставленными в Йорк, разлетелись как горячие пирожки, а остальное накапливалось на складах, скупаемое у первой в этом мире мануфактуры приказчиком Эндрю.

Точнее, мануфактур получалось уже целых три. На одной было налажено изготовление столярных изделий, на другой собирались арбалеты, на третьей тянули проволоку и штамповали наконечники. Все это было поставлено на поток и стало основными статьями дохода Андрея, ну и всех жителей села — в зимнее время, во всяком случае; весной их должны были сменить наемные рабочие, а в том, что Эндрю сумеет их предоставить, Новак не сомневался.

Андрей вышел на крыльцо и, сладко потянувшись, встряхнулся подобно собаке, вынырнувшей из воды. Что и говорить — тело, привыкшее к большим нагрузкам, изрядно отдохнув за ночь, требовало физических упражнений. Пока были в разгаре работы по изготовлению винтовки, он часто ложился далеко за полночь, иной раз приходилось по несколько дней ломать голову над решением той или иной задачи. Ну не был он инженером-механиком и вообще с механикой был дружен постольку-поскольку, спасибо веселому детству: будучи подростком, он был вынужден сам придумывать себе игрушки, собирать велосипед из явного металлолома, и все в том же духе — жили они небогато. Тем обиднее было, когда решение оказывалось очень

простым и лежало прямо на поверхности. Но все это сильно изматывало, и он не чувствовал жгучего желания что-нибудь сделать, чтобы сбросить избыток энергии. Правда, после того как они с Анной пришли к взаимному пониманию, вопрос с избытком энергии решался весьма радикально, и Андрей не мог сказать, что такая трата сил ему неприятна. Но сейчас Анна была уже на пятом месяце, беременность у нее протекала не так гладко — все же поздновато она понесла первенца, — не могло это не аукнуться даже на здоровом организме не избалованной цивилизацией девушки, так что о таких нагрузках до поры пришлось забыть.

Мысль об Анне и их будущем малыше вдруг напомнила ему о жене и детях, оставшихся там, в другом мире, или на другой планете. Так уж сложилось, что вечерний звонок брата, попросившего о помощи, перевернул всю его жизнь, поставил с ног на голову — и, как результат, оказался билетом в неизвестный мир, или на другую планету, этого Андрей так и не понял.

Случилось это около года назад. Двоюродный брат Андрея Артур позвонил и попросил помочь ему избавиться от зарытого у него на подворье арсенала, оставшегося еще с лихих девяностых. Так уж вышло, что сам брат поехать с ним не смог, и Новаку пришлось избавляться от оружия в одиночку. А дальше как в той сказке: «По дороге с ним случилось несчастье...» Впрочем, несчастье ли?

В результате удара молнии бывший милиционер, а ныне пенсионер МВД получил небывалые возможности в регенерации, абсолютную память и... перенесся в другой мир. В мир, где царило Средневековье, а его жителями оказались потомки выходцев из Иерусалима, что на матушке-Земле. Так уж вышло, что после падения Царства Небесного часть из жителей при помощи священника падре Иоанна оказалась здесь и основала

новое Царство Небесное — на земле обетованной, ниспосланной Господом нашим.

Однако благолепие длилось недолго. Люди есть люди, и им трудно избавиться от пороков. Начались взаимные претензии, разделения по национальному признаку — и наконец они разделились, образовав три государства, беспрестанно враждующие между собой. В наказание за грехи Господь отвернулся от чад своих и не стал противиться сатане, наставшему на них свое порождение — орков.

С тех пор минуло восемьсот тринадцать лет, и по местному календарю шел двухтысячный год от Рождества Христова. Но время здесь словно застыло, остановив людей на уровне Средневековья как в общественном укладе, так и в технологическом. Именно в это время Андрей Новак и появился здесь. Несмотря на то что с ним приключилось несчастье, в остальном ему безгранично везло. В первые же дни ему посчастливилось спасти несколько человек, среди которых оказался купец Эндрю, ставший его другом и единственным, кто узнал о нем всю правду.

Мир этот оказался не столь уж и приветливым. Здесь всю свирепствовала инквизиция. Несмотря на то что люди разделились на три государства — Англию, Германию и Францию, — церковь осталась вне государств, но не вне политики, являясь черным кардиналом и имея реальную всеобъемлющую власть. Были здесь и орки, с удовольствием пожирающие человеческое мясо и почитающие его деликатесом.

Опасный, неприветливый мир. Но Андрею нравилась его нынешняя жизнь, ничто его не тянуло и не манило обратно, разве только переправить сюда кое-что оттуда, на худой конец, просто информацию, благо для этого не нужно было никаких компьютеров или книг. Ему сейчас не нужно было даже ничего читать — просто достаточно взглянуть на страницу, а потом воспро-

известить ее по памяти. Но вот семья... Семьи ему не хватало. Он искренне полюбил Анну, но он также любил и свою первую супругу и дочерей и, несмотря на все приключения, никак не мог их забыть — впрочем, он и не пытался этого делать. Конечно, он не возвращался каждый раз к мыслям о них подобно мазохисту, но и не гнал их, когда они возникали у него в голове. Вот и сейчас он замер на крыльце, глядя вдоль заснеженной улицы и предаваясь воспоминаниям.

— Живее! Живее! С каких это пор зима стала причиной для того, чтобы отлынивать от тренировок?! Рон, чего ты телишься? Опять с завтраком перебрал?

— Так, господин десятник, баба же. Если не поешь, сразу дуется: «а где это тебя кормят» или «тебе не нравится, как я готовлю».

В ответ на эту реплику раздался дружный гогот двух с половиной десятков бойцов Андреевой дружины. Каждое утро подобное замечание доставалось кому-либо из бойцов или сразу несколькими, в зависимости от их расторопности и настроения Джефа. Сегодня была очередь Рона, которого в свое время Андрей взял в плен на дороге, перед этим ранив из автомата. Этот ветеран всячески подначивал женатых дружинников, но, как говорится, не миновала чаша сия и его самого — пару месяцев назад он также женился.

Слушая, как десятник наезжает на личный состав и как те пытаются оправдываться, Андрей добродушно улыбнулся. Сегодня в его войске не было ни одного холостого воина, все обзавелись женами, а бывший каменотес так и вовсе всех удивил, каким-то образом умудрившись охмурить миниатюрную Элли. Кстати, судя по имеющимся сведениям, она уже понесла. Давняя мечта добродушного гиганта о доме, полном ребятней, начала осуществляться: ведь главное — сделать первый шаг.

Казарма сейчас пустовала, но в ней всегда топилась

печь и находился дежурный, который одновременно командовал и караулом из четырех человек, посменно несших службу на двух наблюдательных вышках.

Чтобы парни не расслаблялись, охотничья команда Жана время от времени совершала на село «налеты». Андрей поначалу противился этому, так как парни могли запросто вогнать болт в излишне ретивых охотников, но старшина охотничьей команды настаивал на продолжении потехи. Это было полезно и бойцам и охотникам: и у тех и у других нарабатывались навыки, и служба неслась более бдительно, проспавших охотников и позволивших им приблизиться вплотную к тыну ждала незавидная участь: фантазия у Джефа была богатая и весьма своеобразная, с садистскими наклонностями. А чтобы не попасть под выстрел караульного, на его окрик обнаруженный охотник тут же должен был подать голос, благо в паролях необходимости не было — парни прекрасно знали друг друга и не раз участвовали в совместных походах, когда воины постигали тайны лесовиков. Если через секунду не следовало отзыва, караульный стрелял на поражение.

Но, как водится, не обходилось и без казусов. Однажды простудившийся охотник, подкрадываясь к тыну, был обнаружен и на окрик «Стой! Кто идет?» отозвался охрипшим голосом — понятно, что караульный не узнал его и вогнал в него болт. Благо, будучи укутан в громоздкий тулуп, караульный не смог хорошо прицелиться и всадил болт в плечо охотника. Впоследствии оба были наказаны — один за то, что не смог скрытно подобраться к тыну — разумеется, когда выздоровел, — а другой этим же утром. Джефу не понравилось, что с такого мизерного расстояния караульный не смог произвести смертельный выстрел. Бедному новобранцу пришлось выпустить две сотни болтов по мишени на дистанции в сто шагов, при этом он был в тулупе, а в его распоряжении было только десять бол-

тов. После каждой серии по десять выстрелов ему нужно было как есть, в тулупе, бежать к мишени, извлекать болты и бегом возвращаться на исходную. За ночь выпал снег, и Джеф каждый раз заставлял его бежать по целине, так что к концу внеочередных занятий по стрельбе на парня было жалко смотреть.

Тот факт, что раненый оказался в доску своим, на Джефа не произвел ровным счетом никакого впечатления. Забав своих не бросили ни охотники, ни воины. Правда, теперь, прежде чем назначать очередного лазутчика, охотники убеждались, что у того все в порядке с голосом, а в остальном все осталось так же, как было.

— Становись! Напра-во! Бегом марш!

Все, началась пробежка. Пропустив строй, Джеф покосился в сторону Андрея и осуждающе покачал головой. Ну что ты будешь делать. Пропустив руки в рукава полушубка, Андрей поспешил присоединиться к воинам, облаченным в доспехи. Новак намеренно не снял с себя полушубка, так как тот должен был в какой-то мере компенсировать отсутствие кольчуги, чтобы Джеф не очень-то дулся на столь вопиющее нарушение. В угодую же этому зверю Андрей вынужден был запахнуть полы и застегнуться на все пуговицы — еще одно нововведение, привнесенное в этот мир им: здесь не знали ни карманов, ни пуговиц и пользовались объемными кошельками и завязками. Теперь ему предстояло обливаться потом всю тренировку, насилая свой организм. Джеф это оценил и не стал коситься на своего начальника: кому приходилось труднее — ему или воинам в кольчугах — это еще вопрос.

Домой он заявился к завтраку и весь в мыле, так что даже соблазнительные запахи из кухни не произвели на него должного впечатления, что было весьма необычно: вкусно поесть он любил, хотя впрок это и не шло, — его друг и наставник внимательно следил за

тем, чтобы у него не образовывалось и намека на жировую прослойку. Увидев его, Анна задорно улыбнулась:

— Джеф?

— Это называется оказаться не в то время и не в том месте.

— Не вредничай. Тебе это нужно.

— А кто спорит? Но только тренироваться в броне куда удобнее, чем в полушубке: не так тесно и не так жарко.

— Так завтракать-то будешь?

— Только умоюсь. Элли!

— Не отвлекай ее. Я сама тебе полью.

Они вдвоем направились в умывальную комнату, устроенную по его просьбе на первом этаже, — ну любил он поплескаться во время умывания, не делать же это в большой зале. Анна, взяв в руки кувшин, стала поливать Андрею, а тот, отфыркиваясь и кряхтя от удовольствия, начал мыться. Он уже давно подумывал о том, чтобы «изобрести» умывальник, но пока все руки не доходили, а может, все дело было именно в том, что ему было приятно умываться вот так, когда кто-то, проявляя заботу и внимание, поливал из кувшина.

С завтраком было уже практически покончено, когда в столовую ввалился Жан. Он когда-то был охотником на орочьей стороне и оказался в числе спасенных из плена Новаком. После возвращения на человеческие земли охотник изъявил желание остаться и теперь, вместе с набранной им артелью, был глазами и ушами нового поселения, а также добытчиком и наставником дружинников.

Обычно в таких ситуациях Андрей неизменно сажал пришедшего за стол и не переходил к делам, пока прием пищи не заканчивался, но на этот раз он поступил иначе. Весь вид охотника говорил о том, что что-то случилось, и что-то нешуточное. Андрей быстро утерся салфеткой и, чмокнув жену в щеку, тут же кивнув

Жану в направлении лестницы, быстро поднялся, и они прошли в кабинет.

— Что случилось?

— Плохи дела, господин Андрэ.

— Обнадеживающе. Может, объяснишь?

— Инквизиция всерьез заинтересовалась нашим селом, и в частности — вами.

— Мне из тебя клещами тянуть нужно, или ты сам все вразумительно объяснишь? — сквозь зубы процедил Новак.

— А чего тут объяснять-то? Они там считают, что все ваши изобретения — не что иное, как происки сатаны, и решили провести следствие, для чего сюда направился отряд из тридцати церковных воинов и два инквизиторских дознавателя.

— А не многовато?

— Даже мало, учитывая, что у вас имеется почти столько же воинов. Но они, видно, рассчитывали на то, что далеко не все поднимут оружие против воинов креста, буде до этого дойдет.

— Что же, в этом они правы. Люди готовы сражаться за меня, но не против слуг Господа.

— Ну на четверых вы можете рассчитывать, как вы говорите, на все сто.

— Та-ак. Не сочти за труд, вызови Джефа.

— Погодите, господин Андрэ. Время есть. Эта проблема пока решена. Нет больше этого отряда.

— Объясни.

— Ну тогда по порядку. Промашка у нас вышла на охоте — лося подранили, а он, сволочь, ну никак не хотел умирать, крепкий оказался — страсть. Полдня уходил от нас. — Правило охотников не отпускать подранков Андрею было прекрасно известно, так как такой зверь становился смертельно опасным. — Нагнали мы его, но ушел он далеко — и так почти в дневном переходе отсюда было, так он еще и дальше полдня ухо-

дил... В общем, не оставалось нам ничего, кроме как податься на постоянный двор Абрамса, чтобы, значит, там сбыть мясо. Когда подошли, уже темнело, только к закрытию ворот и спсели. Глядим — а там кроме купцов на постой стали три десятка конных воинов, и все с красными крестами. Ну думаю, и чего в нашей стороне понадобилось святому воинству? Разговорились с одним поддатым, угостил его еще — он и проболтался, что едут они в новое село Новак и сопровождают двух дознавателей. Понятно, что это мне не понравилось. Я давно уже подозревал Абрамса в том, что он с разбойниками связан, но до него у нас пока руки не дошли.

Жан имел в виду то, что Андрей со своими воинами открыл настоящую охоту на разбойников в этой округе. Им удалось уничтожить еще пару шаек: боевой опыт-то парням, да и ему самому, нужно было нарабатывать. Но до той стороны, где располагался постоянный двор старого Абрамса, было никак не меньше четырех переходов купеческому каравану и два перехода для охотников, — конные на рысях, конечно, могли обернуться и побыстрее... В общем, до тех мест в связи с их отдаленностью они и впрямь еще не добрались, пока только собирали информацию.

— Так вот, вижу, что интересно Абрамсу, по какой такой надобности святое воинство пожаловало в эти края, а их-то пытаться, понятное дело, боязно. Ну он ко мне — заметил, что я разговорился с одним из воинов инквизиторов. А я возьми ему да в самых пьяных выражениях и поведай, что не инквизиторы это, а людишки барона Браги, и везут-де в столицу налоги маркграфства, потому и караул такой крепкий, а кресты на плащах — чтобы лиходеи хорошенько подумали, стоит ли связываться со святой инквизицией. Бывает такое, практикуют бароны, правда, за это можно и поплатиться — не так чтобы и строго, но годик послужить свя-

тому делу на границе со степью под плащами с красными крестами придется. Поутру, когда это воинство тронулось в путь, мы стали следить за ними. Не разочаровал меня Абрамс-то. В аккурат посредине, не доезжая до следующего двора, на них напали десятков шесть лихих. Воины-то в инквизиции не ахти, больше авторитетом давят — здесь же не степь, это там они на равных с ратниками против степных орков встают, а здесь все больше за спинами дружин да под сенью креста прячутся. Видно, решили разбойнички, что им счастье обломится, потому как крепкие бойцы, да в таком количестве, под красными крестами прятаться не станут. Не вышло. Нет, конечно, с десятков они на тот свет отправили вместе с одним из дознавателей, и ранили не меньше, но только церковники всех в капусту порубили, никого не отпустили. Все же brave воины оказались. Вот тут-то мне это еще меньше стало нравиться. Ну сделали мы кружок, нащупали волчью стаю и подманили их на остатки отряда.

— Погоди, а как вы смогли волков-то подманить?

— Есть способы, — многозначительно заявил Жан, — тут главное, чтобы стая оказалась поблизости, ну и не дать себя сцапать. В общем, большая оказалась стая, голов пятьдесят, не меньше. Зима-то снежная выпала, а сейчас как раз конец, голодно стало совсем. В обозе у церковников кровью все пропахло, так что волки легко соскочили с нашего следа и пошли на обоз. Сколько-то волков они завалили, но все одно всех их порвали. Двое попытались вскачь уйти, и ушли бы, да только с десятков волков что-то на них взъелись: они, уходя, одного волка свалили — видать, волчицу. В общем, догнали и загрызли и их и лошадей. Зверь в это время лютый — вроде и хватает добычи, а они все одно не успокаиваются, пока все живое вокруг не порвут.

— Значит, с нами это происшествие связать не смогут?

— Хвала Господу, ночью снегопад прошел, так что наши следы замело, а то, что найдут на дороге, скажет лишь о том, что сначала сдуру на инквизиторов напали разбойники, а потом тем не повезло пересечься с волчьей стаей.

«Вот так вот. Порвали волки волков. А ведь фактически это охотники порвали их, и заметьте, инквизиторы пока вам еще не угрожали, а только ехали произвести следствие. Какое качество у него было бы — вопрос второй. А вот охотнички ждать не стали: угроза только обозначилась, смутно так, а они тут же бросились ее ликвидировать, да еще столь радикальным образом. А ведь трое подчиненных ничем не обязаны вам, долг крови только на Жане, хотя вы не раз говорили ему, что должником его ни в коей мере не считаете. Симптомчик, однако. Хотя чего скрывать-то — салом по сердцу, как любил поговаривать ваш однокурсник с Украины. Значит, люди вас любят, а это дорогого стоит».

— А стоило ли это того? — задумчиво произнес Андрей. — Ну приехали бы, потолкались бы здесь дознаватели, ведь никакой крамолы у нас нет, ересью и не пахнет. Вон даже церковь поставили. А изобретения — ну, чего же тут такого, никаких происков сатаны здесь и в помине нет, мы же из свинца золото не получаем.

— То есть как это не стоило? — обиженно возмутился старшина охотников. — Если бы они хотели просто следствие произвести, то не ехали бы такой силой: для охраны и десятка достаточно, и дознавателя одного хватило бы. А тут такая силища, что, почитай, любой замок на щит могут вздеть. Вот всем вы хороши, но иной раз ну прямо как дитя, ей-богу, — потупившись, тихо закончил Жан.

Андрею даже неловко стало от собственных слов, а лицо залила краска стыда. Люди рисковали своей жизнью ради того, чтобы помочь ему, более того — по-

ставили себя вне закона, организовав гибель инквизиторов, а стать виновником гибели одного инквизитора или тридцати двух — разницы не было никакой. Следствие по этому поводу проводилось всегда с завидным тщанием и скрупулезностью.

— Извини, Жан. Я очень благодарен вам. Даже не знаю, как высказать это словами.

Жан, быстро подняв голову, впился взглядом в глаза своего господина и, что-то там увидев, удовлетворенно кивнул своим мыслям:

— Мы ваши, господин Андрэ, с головы до пятки ваши. Что сделано, то сделано, а что делать дальше — решать вам. Пойду я.

— Погоди. Раз уж так все срослось, то со стариной Абрамсом нужно что-то решать. Он может вывести на вас.

— Вы думаете...

— Концы нужно обрубить полностью.

— Так...

— Именно. Об этом раньше нужно было думать. Никого больше задействовать не будем. Готовь ребят, я с вами.

— Понял.

— И никому ни слова.

— Не дети, — лихо нахлобучив на голову треух, проговорил охотник и выскользнул из кабинета.

* * *

Подворье Абрамса ничем не отличалось от остальных постоянных дворов, которые, казалось, все были изготовлены по шаблону. С другой стороны, незачем было придумывать что-либо: все они служили одной цели, а сложившийся образец всецело отвечал предъявляемым требованиям.

Андрей переступил порог общего зала и громко по-

звал хозяина, требуя горячего. Хозяин не замедлил явиться на зов и, едва увидел вошедших следом за Андреем охотников, метнул в Жана ненавидящий взгляд, впрочем, это было столь мимолетно, что, не следи за ним Андрей специально — ничего не заметил бы. Но этот взгляд лишний раз подтвердил подозрения о причастности Абрамса к разбойникам. Что же, зачищая концы, нелишне будет чувствовать, что все же совершаешь правосудие. Вот только у Абрамса жена, дочь и два сына, да еще и работник.

— А что, хозяин, как у тебя с ночлегом, не то темнеет уже... — Андрей говорил спокойно, хотя в душе у него полыхал пожар.

— Так у меня все комнаты свободны — хоть графскую дружину на постой приму. Сейчас время ярмарок, купцы в дорогу не больно-то спешат. Так что всех размещу, а желаете — так и каждому по отдельной комнате, — слащаво пел хозяин.

— Ага, и плату небось за каждую комнату потребуешь.

— Ну это как водится, — скромно потупив глазки, подтвердил Абрамс.

— Нет уж. Подготовь нам две комнаты. Мне отдельную, а они вчетвером переночуют.

— Как прикажете, — не скрывая своего разочарования, проговорил он. Не переигрывал хозяин, все в пределах роли: какой хозяин постоянного двора откажется заработать побольше, если есть такая возможность.

Двое, неся все пожитки, направились за старшим, лет тринадцати, сыном хозяина, которому отец приказал показать постояльцам комнаты. Дочь примерно пятнадцати лет торопливо расставляла на столе посуду. Жена деловито проследовала на кухню — быстро сообразить что-нибудь, чтобы путники пока могли посидеть в ожидании ужина, да и ужин готовить нужно было. Вот только работника нет.

Жан со вторым охотником направились на выход, недвусмысленно поправляя штаны, при этом парень виновато развел руками — мол, ничего не поделаешь, природа требует свое. Хозяин лишь ухмыльнулся и направился на кухню.

В одиночестве прошло не больше двух минут. Двое парней спустились в общий зал, один из них легонько кивнул Андрею, сидящему за столом и потягивающему эль. Началось. Старшего сына уже убрали. Затем вернулись те, кто ходил на улицу, и Жан также подал сигнал, что работника нашли и тоже позаботились о нем.

Хозяйская дочь вновь появилась в зале и направилась на лестницу — видимо, ей что-то потребовалось в ее комнате, а может, родители за чем-то послали. Когда девушка уже не могла видеть, Андрей мотнул в ее сторону головой, и один из парней скользнул за девушкой — охотник был совершенно бесшумен, хотя под его ногами была не лесная земля, а половые доски.

Младший Абрамс, мальчик лет одиннадцати, ничего не заметил, шуруя кочергой в камине. Андрей, проклиная себя последними словами, скользнул к мальчишке и, схватив его за горло, тут же оторвал от пола, чтобы дергающийся пацан не поднял шума. Так он его и держал на вытянутых руках, пока паренек не затих. Он и сам не заметил, как из его глаз брызнули слезы, дыхание стало прерывистым, словно это его сейчас душили, по капле выдавливая из него жизнь. Когда парнишка затих, он бережно опустил его на пол и, сев рядом, тихо завыл, содрогнувшись тому, что только что совершил.

Вышедшие из кухни трое охотников так и застали его плачущим над телом мальчика. Тихо подвывая, он сотрясался всем телом от рыданий. Внутри не было ничего, а в голове вместе с тоской билась только одна мысль — о том, что он обязан был поступить именно так, иначе под угрозой были все те, кто стал ему за по-

следнее время дорог. Он уже не рефлексировал на убийства людей, ему не раз приходилось делать это, но вот так хладнокровно убить ребенка, даже спасая других... Инквизиция дорого заплатит ему — ведь именно их тень толкнула его на это.

Спустился и тот, что направился за хозяйской дочкой, вид у него был мрачный, но решительный, в руке он сжимал кожаный мешочек. Жан быстро заглянул в него, взял щепотку находившегося внутри зелья и, понюхав его, вернул обратно.

— Не убивайтесь вы так, господин Андрэ. Да, мальчик, но только если дочь была в курсе дел родителей, то что уж говорить о парнишках. Это порошок из сон-травы, — протянув мешочек, сказал он Андрею. — Если бы мы остались здесь на ночь, то утра уже не увидели бы.

— Этот слишком мал, мог и не знать, — сквозь рыдания проговорил убийца. — Работник тоже мог быть невинным. Прости меня, Господи.

— Это так, но другого-то выхода не было: они нас видели, а инквизиция умеет спрашивать и делать правильные выводы.

Еще минут пять он переживал содеянное, но затем поднялся и начал раздавать указания. Охотники спешно начали их выполнять. Всех разнесли по комнатам, раздели и уложили в постели. Инквизиторы будут копаться со всем тщанием, а потому Андрей не хотел оставлять никакой зацепки — кто знает, насколько они профессиональны. Именно поэтому все были именно задушены, хотя было бы куда гуманнее сломать шею, ну хотя бы тому же мальцу, но предугадать, насколько тела пострадают в пожаре, он не мог: перелом шейных позвонков мог родить подозрения. Они даже вымыли и поставили на место посуду, которую успели использовать.

Уложив труп работника в его каморке, Жан поста-

вил рядом с кроватью почти пустой кувшин вина и поджег лучину, уронив миску с водой, в которую должны были падать угольки от нее. Все выглядело так, словно напившийся работник забыл потушить лучину, да еще и уронил миску с водой. В общем, полное небрежение правилами противопожарной безопасности. Правда, на стену возле лучины плеснули немного масла, ну да это уже установить не смогли бы и в его мире, не то что здесь.

Они простояли на дороге в пределах видимости постоянного двора около часа, пока над постройками не начало подниматься зарево. Все это время, неприятно передергивая плечами, они слушали вой цепных волкодавов, почуявших смерть хозяев. Постоялые дворы никак не охранялись, если только на постой не становились купцы или отряд воинов, которые организовывали караульную службу. Если же на постое никого не было, то эту роль выполняли волкодавы, которых на каждом подворье было не меньше четырех.

* * *

Через несколько дней к Андрею пришел падре Патрик. Нет, он, конечно, бывал у него практически каждый день, они частенько засиживались вечерами за шахматной доской, если Андрей не был занят в кузнице или не корпел над чертежами в кабинете, но в этот раз падре был взволнован и даже не пытался скрыть своего волнения.

— Андрэ, сын мой, нам нужно поговорить.

— Может, сначала пообедаем?

— Нет.

Понимая, что сейчас старику в глотку кусок не полезет, Андрей сделал приглашающий жест по направлению к кабинету. Одновременно он подал знак своей жене, что волноваться не о чем, и изобразил нечто, что

должно было говорить, что у старика в голове появилась какая-то причуда, — благо у того на затылке не было глаз. Анна едва слышно пискнула, зажав рот, — настолько муж выглядел уморительно, кривляясь за спиной священника, — однако другой рукой она погрозила своему супругу кулачком, и тот, изобразив смирение, направился за падре.

Если бы только Анна знала, каких трудов стоило Андрею изображать безмятежность, да еще и по-скоморошьи кривляться! Он-то прекрасно знал, что произошло пару дней назад, и, несмотря на то что следов никаких не осталось, происшествие это могли связать с ним проще пареной репы: инквизиторы-то погибли по дороге к ним. Хотя живых свидетелей, которые могли бы указать на него или его людей, не было.

— Что случилось, падре? Вы так взволнованы...

— Есть причины, поверь мне, сын мой. Только что вернулся из Йорка приказчик Эндрю.

— Мы ждали его на днях, но...

— Не перебивай меня. Он сообщил, что в двух днях пути от нас на дороге обнаружены останки отряда инквизиторов.

— Кто-то посмел напасть на святую инквизицию?! — изобразил Андрей искреннее удивление. — Мне казалось, что это невозможно в принципе.

— Как видишь, это не так. Как сказал Роберт, на отряд инквизиторов, направлявшийся к нам, напали сначала разбойники, а потом стая голодных волков. Инквизиторы, конечно, стараются не распространяться на эту тему, но слухи ходят. Они вроде бы уже кого-то поймали из ватаги разбойников.

При этих словах Андрей отвернулся, чтобы падре не заметил, как изменилось выражение его лица. Наполнив две кружки вином и сумев справиться с охватившей его тревогой, он предложил святому отцу выпить. Окончательно подавить волнение ему не удалось,

внутри набатом звучала тревога, но по меньшей мере внешне он сохранил спокойствие и даже сумел говорить без дрожи в голосе. Да-а, все же за прошедшие века святая инквизиция поднаторела-таки в раскрытии преступлений, здесь он оказался прав.

— Ну напали на них разбойники, а потом волки, мы-то тут при чем?

— А при том, что ты не слушаешь меня, сын мой. Они ехали К НАМ, понимаешь?

— Да у нас-то они что забыли?

— Не обижайся, но причина в тебе.

— Интересное дело. Чем же я мог привлечь внимание святой инквизиции?

— И это я слышу от того, кто вмешался в Божий суд и оставил святую инквизицию с носом!

— Падре, вы сами сказали, что я вмешался в Божий суд, и он свершился. Насколько мне известно, все приняли волю Господа нашего, выказанную на том суде.

— Так, да не так. Волю Господа они, конечно, приняли, но кто сказал, что это была однозначно воля Создателя?

— Все, я запутался. Так выказал свою волю Создатель на том поединке или нет?

— Борьба добра и зла, света и тьмы, Господа и сатаны начата в незапамятные времена и длится по сей день. Как считаешь, длилась бы она столь долго, если бы Господь мог так просто победить врага рода человеческого? Где-то побеждает Господь, где-то они приходят к равновесию, где-то Господь вынужден немного отступить, ибо борьба ведется между ними руками созданных Господом людей, среди нас, а потому сатана использует слабости людей и слабость духа, и именно поэтому Господь наш пока не одержал окончательного верха, потому что борьба идет в первую очередь за наши души.

— Вы хотите сказать, что бывали случаи, когда резу-

льтаты Божьего суда признавались недействительными? Но ведь это абсурд.

— Инквизиция прибегает ко многим приемам, чтобы сохранить власть Церкви. Ты заметил, сын мой, насколько бедны наши храмы и сами священники. Но это все показное, ибо главное богатство, которое сосредоточено в руках святых отцов, — это власть. Простой священник может потребовать, заметь, **ПОТРЕБОВАТЬ** от барона или графа поступить тем или иным образом, ну, к примеру, помиловать приговоренного к казни, — и тот подчинится.

То, что дальше поведал падре, на многое открыло глаза Андрею. Оказывается, любой преступник мог найти приют в церкви, и если священник давал этот приют, то светские власти были попросту бессильны что-либо сделать, если только Церковь не решала выдать того. Именно таким образом и пополнялись ряды святого воинства. В этом мире не было распространенных в том, оставленном Андреем, мире орденов, вместо них пришел один-единственный, да и тот не был орденом как таковым, так как это была святая инквизиция. В это воинство поступали все преступники, военные или просто разбойники, над кем простерла свое благословение святая Церковь, отпустив их прежние прегрешения в обмен на службу Господу. Нет, были, конечно, и такие, кто шел в войско инквизиции по своей воле, искренне желая служить святому делу борьбы с сатаной и его порождениями, но их было мало. Были и те, кто направлялся служить в эти войска на определенный срок ради искупления грехов — такая своеобразная епитимья или индульгенция, это уж как кому.

Еще падре поведал Андрею о том, что все его новшества, которые, казалось бы, приносили облегчение людям, увеличивали производительность и как итог несли повышение благосостояния, на поверку оказы-

вались происками сатаны, ибо Господь повелел чадам своим во искупление грехов добывать хлеб насущный в трудах тяжких, а все, что несет облегчение на этом свете, — это от лукавого. В эту же копилку падало и приобщение селян к чистоплотности, так как это указывало на чрезмерную заботу о плоти, а это также грех. Церковь вообще призывала ходить в рванье и никогда не мыться, ибо только так можно было очистить дух. Вшей и вовсе не считали паразитами, а даже называли «Божьими жемчужинами», указывающими на святость, — а тут такое попрание постулатов! Получение же высококачественной легированной стали в мире, где оружие из такого металла было величайшей редкостью и стоило баснословных денег, да еще использование в качестве изначального сырья самой плохой руды...

В общем, инквизиции, оказывается, было где разгуляться и обвинить Андрея во многих грехах, а вместе с ним и его людей, и увлекшегося новинками и слишком рано посчитавшего себя в безопасности падре. Дела были не просто плохими, а очень, очень плохими.

«Да-а, падре. Так ты решил воспротивиться системе, а система не любит, когда ей кто-либо противится, а уж своих-то смутьянов с потрохами сжирает. Нет ничего удивительного в том, что тебя объявили еретиком, а тут — я, весь такой белый и героический. Ведь решил же не высовываться — нет, выперся посреди площади с революционным транспарантом. Теперь понятно, почему Церковь так преследует все новое и на протяжении сотен лет тормозит процесс развития. Я-то, грешным делом, сразу припомнил фантастические романы о том, как потомки представителей высокотехнологичных обществ после какой-либо катастрофы регрессируют и скатываются до дикости. Здесь же, оказывается, все иначе. Ну утратились бы кое-какие навыки, но за такой срок люди все одно начали бы развиваться

и уже дошли бы хоть до кремневых ружей и пара. Но Церковь, борясь за свою абсолютную власть, хотя и завуалированную, но единственно настоящую в этом мире людей, искусственно тормозит развитие общества, так как это повлечет за собой потерю их огромного влияния на паству. Подумать только, если папе станет неуютен какой-либо КОРОЛЬ, он может просто подтасовать факты, предать его анафеме и отлучить от церкви. Там, в моем мире, такие прецеденты имели место, но порой это оборачивалось головной болью для самих служителей Господа. Здесь это смертный приговор для монарха, так как народ, еще вчера восхвалявший его и искренне любивший своего сюзерена, после такого сам поволок бы его на костер, причем в прямом смысле этого слова. Даже если найдется часть верных сюзерену воинов, большинство выступит против него, науськиваемое Церковью. Что уж говорить обо мне. А как же Анна и наш ребенок? Нет, ну каковы подлецы! Как славно работают. Ну да я еще жив. Интриган, правда, из меня неважнецкий, но что-то придумать нужно. Подключайтесь, падре, без ваших мозгов мне не выкрутиться».

— Насколько плохи наши дела, падре?

— Очень плохи, — не стал обнадеживать его священник. — Я было понадеялся на свершившуюся волю Творца на том судилище, но совсем позабыл о том, что святая инквизиция никогда не отступается.

— И что, нет никакого выхода? Чем можно откупиться от инквизиции?

— Ничем. Они не берут штрафов. Деньги для них вообще ничего не значат. Беднее священников живут только церковные мыши. Это их плата за власть, это указывает пастве на их святость и на то, что они стоят выше любых сюзеренов, а потому имеют большее влияние.

— Так не бывает. Вы сами говорите, что они дер-

жаты за свою власть, а это уже корысть. Там же, где есть корысть, должна быть и цена. Их не интересуют деньги, но что-то их интересует? Как говорил один мой хороший знакомый, безвыходных ситуаций нет. Так что давайте думать.

Глава 2 ПОГРАНИЧЬЕ

Жара. Солнце палило нещадно, взирая на этот мир с чистого лазурно-синего небосвода. Нет, еще месяц назад все было не так плохо. Конец весны, мягкое ласковое солнце, земля, отдающая прохладой после зимы, цветущая, сочно-зеленая степь. Хотя бескрайние просторы и навевали тоску своей однообразностью, по весне на это взирать было еще терпимо. Но сейчас, в конце июня, взгляд уже ничто не радовало. Желтая пожухлая трава, выжженная солнцем, подавляла своим видом. Казалось, что этот пейзаж был таким со времен сотворения мира. Подумать только, через каких-то две сотни километров от этого места возвышались горы, росли обширные вековые леса, зеленели луга — здесь же ничего этого не было, только иссушенная земля и ковыль до самого горизонта, куда дотягивается взгляд.

Андрей недовольно подвигал плечами, но помочь своему многострадальному телу не мог, так как для того, чтобы хотя бы почесаться, нужно было скинуть кольчугу и поддоспешник, но делать это в походе не рекомендовалось — опасно, знаете ли. Степь — она только кажется ровной как стол, на самом деле мест для укрытия целого войска в ней больше чем достаточно. Холмы, плавно перетекающие один в другой, балки, образуемые речками, многие из которых оживают только в сезон дождей и весной, а уже к началу лета пересыхающие без следа, даже дно этих рек зарастает тра-

вой, разве только несколько гуще, чем на склонах балок, да еще по дну высохших речек имеются островки кое-какой зелени. Так что вероятность внезапно напороться на отряд кочевников или отдельного стрелка была довольно высока.

Хотя желание снять доспехи и дать телу отдых было очень сильным, он решил не рисковать. А тут еще эти «Божьи жемчужины», проклятые вши в простонародье, которые, казалось, отрывались на нем за все те годы, что он обходился без них. Нет, ну чего плохого в том, чтобы регулярно мыться? Нельзя. Грех. От него сейчас несло как от давно не мытого, но регулярно использующегося унитаза, но поделаться с этим он ничего не мог.

Небольшой отряд из двух десятков всадников на заморенных конях сейчас находился в балке. Андрей ожидал донесений от высланных на урез склона разведчиков — те едва угадывались, распластавшись наверху, хотя до них было не больше полутора сотен шагов. Все же покраска чехлов доспехов и одежды в песчаный цвет с вкраплениями коричневого прекрасно подошла к данной местности и хорошо маскировала. Не знай он о том, что воины находятся именно на этом месте, — скорее всего, и не заметил бы расположившихся на возвышении лазутчиков.

Он в очередной раз неприязненно повел плечами и оглянулся. В паре десятков шагов за спиной воинов расположились пять обозников, которые сейчас удерживали заводных коней. Хотя они также были облачены в кольчуги, упрятанные под камуфлированные чехлы, и надо заметить, кольчуги эти были ничуть не хуже тех, что были на воинах, из оружия у них имелись только боевые ножи и арбалеты. Впрочем, при ближайшем рассмотрении было видно, что обозники весьма молодого возраста, не старше четырнадцати лет, поэтому какое-либо более серьезное оружие им не под силу, но

сжимаемые в руках арбалеты были силой весьма грозной. В случае опасности эти мальчишки могли достаточно эффективно поддержать своих старших товарищей, а пять болтов, пущенных умелой рукой, иной раз решали очень многое. В отряде их было всего шестеро, но шестой сейчас остался на хозяйстве в крепости: кто-то же должен присмотреть за имуществом отряда. Оно, конечно, в дальних гарнизонах воровство не процветало, но инциденты имели место, а экипировка у отряда была хорошей. Там же находился и кузнец, который решил отправиться вместе с отрядом, разумеется, за солидное вознаграждение, но больше все же по вассальной клятве. Без кузнеца воину никак нельзя: железо постоянно требует правки и ремонта, тем паче если походы нескончаемы.

Бросив взгляд влево от себя, Андрей посмотрел на падре Томаса, прикомандированного к его отряду святой инквизицией. Невысокого роста крепыш с кривыми ногами, кривизну которых не способна была спрятать даже ряса, весьма уверенно восседал на высоком скакуне, хотя и считалось, что более приличествует святому сану осел, ну в крайнем случае мул. Впрочем, при более внимательном рассмотрении инквизитора в глаза сам собой лез бывалый воин. Об этом говорило все — и осанка, и экономные выверенные движения, и уверенная посадка, и даже ряса, полы которой очень напоминали Новаку кавалерийские шинели, так как спереди и сзади имели длинные разрезы, что позволяло вполне комфортно чувствовать себя в седле, под рясой угадывались крепкие кожаные штаны. Одним словом, бывалый кавалерист да и только. Только глаза выдавали ярого фанатика — Андрей не взялся бы объяснить, чем взгляд фанатика отличается от взгляда обычного человека, но отличать их уже мог безошибочно: был в этом взгляде какой-то негасимый, все пожирающий огонь и неистовая вера.